

Е Лань

**Я МЕЧТАЛА О ПЕНСИИ,
НО ГЕНЕРАЛ ЖАЖДЕТ
СПАРРИНГА**

УДК 82-312.9
ББК 84-445
Л22

Л22 **Лань Е.**
Я мечтала о пенсии, но Генерал жаждет спарринга / Е Лань – М.: Литнет, 2026.
– 292 с.

ISBN 978-5-521-99572-1

**НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ
СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛО-
ГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОН-
НЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЁТ УСТАНОВЛЕН-
НУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.**

В прошлой жизни я была «Кровавым Вихрем», легендарной воительницей, не знавшей поражений. Я умерла с мечом в руке... и проснулась в теле Юн Соры — изнеженной, капризной злодейки, которую ненавидит весь столичный бомонд. И это прекрасно! У Соры слабые руки, куча денег и ужасная репутация, позволяющая ни с кем не общаться. Мой план идеален: пить элитный чай, спать до обеда и наслаждаться пенсией. Но почему Чон Хасо, прославленный «Демон Войны» и Генерал Империи, смотрит на меня так странно? Почему вместо того, чтобы разорвать помолвку, он приглашает меня на тренировочный полигон? — Леди Юн, ваша походка... вы скрываете шаги? — Генерал, я просто ленюсь поднимать ноги. Кажется, моя аура убийцы просочилась даже сквозь шелка, и теперь этот маньяк войны хочет сделать меня своей... спарринг-партнером? Или женой? Только через мой труп! Ой, подождите, я ведь уже умираю...

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-99572-1

© Литнет, 2026
© Е. Лань, 2026

Глава 1

Небо плакало кровью. Или это была всего лишь ржавая вода, смешанная с грязью, в которой я лежала? Трудно сказать. Мои глаза застилала пелена, а в ушах стоял невыносимый звон, перекрывающий даже грохот копыт вражеской конницы.

– Генерал Пэк! Генерал Пэк Му-Ран! – кричал кто-то сквозь туман. – Северный фланг прорван! Мы не удержим перевал!

Я попыталась вдохнуть, но вместо воздуха в легкие ворвался вкус железа. Сломанные ребра. Кажется, их обломки уже проткнули всё, что можно было проткнуть внутри. Мой верный меч, «Пожира-тель Луны», выщербленный и тяжелый, всё ещё сжимала моя рука, но пальцы уже не чувствовали рукояти.

Тридцать лет, ровно тридцать лет я провела в седле, в грязи, в бесконечной резне. Меня называли «Кровавым Вихрем», «Бичом Варваров», спасительницей Империи. Матери пугали мной непослуш-ных детей, а вражеские военачальники назначали за мою голову цену, равную годовому бюджету небольшой провинции.

И что в итоге?

Я умираю в грязной луже, вдали от столицы, преданная теми самыми министрами, чьи жирные задницы я защищала. Подкре-пление так и не пришло.

– Уходите... – прохрипела я, выплевывая сгусток крови. – Все... отступить.

– Но, Генерал!..

– Это приказ! – собрав последние крупинцы Ки в голосовых связках, рявкнула я.

Звук шагов удалился. Я осталась одна, наконец-то. Больше не нужно размахивать этой тяжелой железкой. Больше не нужно спать в полглаза, ожидая ночной атаки. Больше не нужно есть сушеное мясо, жесткое, как подошва сапога.

Я закрыла глаза. Капли дождя смывали кровь с моего лица. Холод, который я всегда ненавидела, сейчас казался милосердным одеялом.

«Если существует следующая жизнь, – подумала я, чувствуя, как сердце делает последний, неровный удар, – я хочу быть камнем. Обычным придорожным камнем, чтобы просто лежать и ничего не делать. Или, если боги будут щедры, пусть я буду домашней кошкой. Спать, есть и гадить в песок... Звучит как рай...»

Мои глаза закрылись и я провалилась в темноту.

Первое, что вернулось ко мне, был запах. Не гнили, не гари и не немых тел солдатской казармы. Пахло чем-то сладким, душистым и дорогим. Сандал? Нет, горная вишня и... мускус?

Я нахмурилась. Почему в Преисподней пахнет благовониями? Или я попала в Небесный Чертог? Вряд ли. С моим послужным списком меня должны были отправить прямиком в кипящее масло.

Я попыталась пошевелиться. Тело отозвалось странной тяжестью, но не той привычной свинцовой усталостью воина. Это была какая-то вязкая, мягкая лень. Под спиной было что-то невероятно нежное, струящееся, прохладное.

Я резко распахнула глаза.

Надо мной не было серого неба войны, там был потолок, расписанный золотыми журавлями и лотосами. С лакированных балок свисали фонари из тончайшей рисовой бумаги, украшенные алыми кистями.

Я резко села, точнее, попыталась сесть резко, как привыкла – рывком пресса. Но вместо этого мое тело вяло качнулось, голова закружилась, и я с тихим стоном рухнула обратно на подушки.

Подушки! Их здесь было десятки. Огромная кровать, на которой мог бы разместиться целый взвод, была завалена шелками и парчой.

– Где я? – мой голос прозвучал тонко, капризно и совершен-

но незнакомо. Это не был мой хриплый бас, сорванный годами команд. Это был голосок избалованной пташки.

Я подняла руку к лицу.

Это была не моя рука.

Мои руки были покрыты шрамами, мозолями от меча и ожогами от пороха. Кожа на них была грубой, обветренной.

Рука, на которую я смотрела сейчас, была произведением искусства. Тонкая, белоснежная, словно вырезанная из нефрита высшего сорта. Пальцы длинные, хрупкие, с идеально отполированными ногтями, выкрашенными соком бальзамина в нежно-розовый цвет. На запястье позвякивал браслет из чистого золота, который стоил больше, чем вся моя экипировка в прошлой жизни.

Я медленно ощупала себя. Грудь... мягкая, не стиснутая бинтами. Кожа гладкая, как поверхность спокойного озера. Ни одного шрама, ни одного следа от стрелы или сабли.

– Мне нужно зеркало, – прошептала я в пустоту.

Рядом с ложем стоял туалетный столик из красного дерева, инкрустированный перламутром. Я, шатаясь, как пьяный новобранец, сползла с кровати. Ноги утонули в пушистом ковре. Я сделала три шага и задохнулась.

Одышка? От трех шагов?!

Я добралась до бронзового зеркала и застыла.

Из отражения на меня смотрела незнакомка. Поразительно красивая, но какой-то холодной, злой красотой. Глаза, похожие на лисьи, с приподнятыми уголками, полные высокомерия. Губы, словно лепестки вишни, но сложенные в вечно недовольную гримасу. Кожа настолько бледная, что казалась почти прозрачной.

В голове вдруг вспыхнула резкая боль, и поток чужих воспоминаний хлынул в мой разум.

Юн Сора. Единственная дочь Министра Церемоний Юна. Двадцать лет. Известна в столице как «Ядовитая Орхидея». Капризная, жестокая, ленивая и невероятно богатая. Ненавидит физиче-

ские нагрузки, любит тратить деньги отца, унижать слуг и портить жизнь сводным сестрам.

Последнее воспоминание: она выпила вина на банкете, почувствовала жар и прилегла отдохнуть. Сердце. У этой девицы было слабое сердце от рождения, а корсет был затянут слишком туго. Она просто задохнулась во сне. Глупая, бесславная смерть.

Я моргнула, глядя на свое новое лицо.

Значит, Великий Генерал Пэк Му-Ран умерла, а вместо неё теперь живет Юн Сора.

Я медленно, очень медленно расплылась в улыбке. Отражение ответило мне хищным оскалом, который на этом нежном личике смотрелся пугающе.

– Слабое сердце? – прошептала я, прижимая руку к груди. Стук был тихим, вялым. – Неспособность поднять ничего тяжелее веера? Богатый отец, который откупается от проблем золотом?

Я запрокинула голову и рассмеялась. Смех вышел булькающим, потому что мне не хватало дыхания, но я была счастлива.

Боги услышали меня! Это не кошка и не камень, это даже лучше! Я – бесполезная, богатая аристократка!

– Пенсия! – выдохнула я, с восторгом падая обратно в мягкие объятия одеял. – Наконец-то, законная пенсия!

В этот момент тяжелые двери, ведущие в покои, со скрипом отворились. Я замерла, по привычке пытаясь нащупать под подушкой кинжал, но там был только мешочек с сушеной лавандой.

В комнату вошла молоденькая служанка с медным тазом, от которого шел пар. Она шла, опустив глаза в пол, её плечи дрожали.

– Г-госпожа... – пропищала она, не смея поднять взгляд. – Вы... вы уже проснулись? Простите эту никчемную рабыню, я опоздала на целых два вдоха! Пожалуйста, не бейте!

Служанка рухнула на колени, вода из таза выплеснулась на дорогой ковер. Девушка сжалась в комок, ожидая удара.

Ах да. Память Юн Соры любезно подсказала мне, что вчера

эта самая служанка получила горячим чаем в лицо просто за то, что он был недостаточно сладким.

Я вздохнула. Вставать не хотелось. Бить кого-то – тем более, это же требует затрат энергии.

– Эй, ты, – лениво протянула я.

Служанка вздрогнула так сильно, что я испугалась, как бы у неё не случился припадок.

– Убери это, – я махнула рукой в сторону лужи. – И принеси мне чаю. самого лучшего. И сладостей, много сладостей.

Девушка замерла, наконец-то осмелившись поднять на меня глаза, полные ужаса и непонимания.

– Вы... вы не будете наказывать Сун-и? Не прикажете выпороть?

– А это поможет убрать воду с ковра? – философски заметила я, потягиваясь так, что хрустнули позвонки. – Нет, это создаст только лишний шум. А я люблю тишину. Иди.

Служанка, птясь и кланяясь так часто, что напоминала заводную куклу, исчезла за дверью.

Я снова осталась одна. Тишина дворца, а поместье Министра Юна по размерам не уступало дворцу, была божественной. Никаких горнов. Никаких криков раненых.

Я попыталась проверить свое состояние. Как мастер боевых искусств, достигший пика, я привыкла контролировать каждый поток энергии Ки в своем теле. Я закрыла глаза и сосредоточилась на даньтяне – энергетическом центре внизу живота.

Пусто.

Там было сухо и пусто, как в пересохшем колодце. Каналы Ки были узкими, забитыми шлаками, атрофированными. Это тело никогда не тренировалось, мышцы были желеобразными, а кости – тонкими и ломкими.

Если бы я сейчас попыталась выполнить «Удар Раскалывающий Гору», я бы, скорее всего, сломала себе запястье и умерла от разрыва сердца.

– Идеально, – промурлыкала я, заворачиваясь в шелк, как гусеница в кокон. – Никто никогда не призовет меня на войну. Кому нужен такой мусор на поле боя? Меня даже в обоз не возьмут – я буду только обедать солдат.

Я – Юн Сора, главная злодейка столицы, гроза служанок и позор семьи. И я намерена наслаждаться этим титулом до конца своих дней.

Дверь снова открылась. На этот раз вошла не служанка, а дородная женщина в богатом ханбоке темно-синего цвета. Это была главная экономка поместья, госпожа Чхве. Её лицо было каменным, но в глазах читалось плохо скрываемое презрение.

– Леди Юн, – сухо произнесла она, даже не поклонившись как следует. – Ваш отец, Его Превосходительство Министр, желает видеть вас в своем кабинете немедленно.

– Немедленно? – переспросила я, пробуя это слово на вкус. Оно мне не нравилось, оно подразумевало спешку.

– Именно так. Речь идет о вашем вчерашнем... поведении на банкете. И о жалобах семьи Ли.

Ах да. Воспоминания подсказали: вчера Юн Сора не только умерла, о чем никто не знает, но перед этим успела опрокинуть супницу на платье дочери Министра Финансов. Громкий скандал.

– Скажите отцу, – я зевнула, прикрывая рот изящной ладонью, – что я нездорова. Я при смерти. Мое сердце разбито, а душа требует покоя.

Госпожа Чхве дернула бровью.

– Его Превосходительство сказал, что если вы не придете сами, он прикажет страже принести вас.

О, это звучало серьезно. Если меня понесет стража, это будет тряска. А тряска мне не нужна.

– Хорошо, – я с трудом спустила ноги с кровати. – Помогите мне одеться. И выберите что-нибудь... легкое. Мне тяжело носить все эти ваши украшения.

Пока служанки, их набежало уже штук пять, облачали меня в многослойные одеяния цвета утренней зари, я разглядывала свои новые владения. Шкатулки с драгоценностями, полки с книгами, судя по слою пыли, Сора их не открывала, предпочитая романы с картинками, вазы династии Корё.

Богатство. Безграничное, бессмысленное богатство.

В прошлой жизни моей самой большой ценностью был меч и конь. Теперь у меня было столько шпилек для волос, что ими можно было вооружить небольшой отряд. Кстати, это мысль... Я взяла одну золотую шпильку (пинё) с заостренным концом и незаметно взвесила в руке. Баланс был смещен, но если ударить в точку под ухом...

Стоп, неест. Я положила шпильку обратно. Я на пенсии. Никаких убийств. Только чай.

Путь до кабинета отца занял целую вечность. Я задышалась. Корсет, или то, что заменяло его в этом наряде, давил на ребра. Юбки путались в ногах.

Я шла по коридорам, и слуги расступались передо мной, как воды моря перед божеством, только в их глазах был не трепет, а страх. «Она идет! Ведьма идет!» – читалось в их взглядах.

Отлично. Пусть боятся. Страх – лучшая гарантия того, что меня не будут беспокоить по пустякам.

Кабинет Министра Юна был пропитан запахом чернил и старой бумаги. Сам Министр, мужчина лет пятидесяти с редкой бородкой и усталыми глазами, сидел за низким столиком и что-то писал. Увидев меня, он отложил кисть и тяжело вздохнул.

– Сора, – произнес он так, словно мое имя причиняло ему зубную боль.

– Отец, – я склонилась в поклоне. Мое тело само знало этикет, вбитый с детства. Спина ровная, руки сложены на уровне живота, взгляд смиренный.

– Ты снова опозорила нас, – без предисловий начал он. – Семья

Ли требует сатисфакции. Твоя мачеха плачет с утра. Твои сестры боятся выходить в свет.

Я молчала. Что я должна была сказать? «Прости, старик, твоя дочь умерла, а в её теле теперь живет древний воин, которому плевать на суп на платье»?

– Я устал, Сора, – продолжил он, потирая виски. – Я слишком долго потакал твоим капризам из-за памяти о твоей покойной матери. Но мое терпение лопнуло. Тебе двадцать лет. Никто в столице не хочет брать тебя в жены, зная твой нрав.

«И слава предкам!» – мысленно возликовала я.

– Но я нашел решение, – его глаза сверкнули стальным блеском опытного политика. – Император обеспокоен положением на Северной границе. Генерал Чон Хасо, прозванный «Демоном Войны», возвращается в столицу для доклада. Ему нужна жена. Точнее, ему нужен влиятельный тесть, чтобы укрепить свои позиции при дворе, а мне нужна защита армии.

Я почувствовала, как холодок пробежал по спине. Генерал? Военный? Нет-нет-нет.

– Генерал Чон известен своей... жестокостью и нелюдимостью, – продолжал отец, явно пытаясь меня запугать. – Говорят, он убивает людей одним взглядом. Ему не нужна нежная жена. Ему нужна та, кто сможет выжить в его доме, полном оружия и солдат. И я предложил твою кандидатуру.

– Вы... что? – вырвалось у меня.

– Император одобрил. Помолвка уже объявлена. Ты выйдешь замуж за Генерала Чон Хасо через месяц.

Я стояла, парализованная этой новостью. Выйти замуж за генерала? Это значит снова окунуться в мир войны? Слушать разговоры о тактике за ужином? Видеть начищенные доспехи в прихожей?

А вдруг он заставит меня делать зарядку?!

– Отец! – воскликнула я, и в моем голосе прозвучал искренний ужас. – Вы не можете так поступить! Я же... я же хрупкий цветок! Я умру от одного вида меча! Я не вынесу грубости солдафона!